
18+
АЛЬМАНАХ
«ВДОХНОВЕНИЕ»
Выпуск №3

Ульяна Вострикова

Альманах «Вдохновение». Выпуск №3

«Издательские решения»

Вострикова У. С.

Альманах «Вдохновение». Выпуск №3 / У. С. Вострикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-629350-2

Сборник произведений победителей и финалистов 8-го сезона международного литературного конкурса «Вдохновение», проходившего в апреле — мае 2024 года в Ростове-на-Дону. В книгу так же вошли внеконкурсные произведения молодых поэтов и прозаиков из разных регионов России.

ISBN 978-5-00-629350-2

© Вострикова У. С.
© Издательские решения

Содержание

Победители 8-го сезона международного литературного конкурса «Вдохновение» 6
Поэзия 7
1-е место 7
Птица 7
Без названия 7
2-е место 9
Рубиновая вьюга 9
В ожидании бала 9
Кровь поэта 10
Печаль 11
Маяк 11
3-е место 12
Мне нужно всего немного 12
Хранить тебя 12
Бабинцева Анна 14
Серенада весны 14
Гуляко Мария 15
Здравствуй, ночь, тебе тоже не спится? 15
Казакова Вера 16
Я всё хочу начать сначала 16
Ты забудешь меня, как беду 16
Принцесса Седовласка 16
Лачек Варвара 18
Секрет датского счастья 18
Пляска смерти / danse makabre 18
Симакова Евгения 20
Енисей 20
Храмцова Римма 21
Осенний блюз 21
Вечер 21
ПРОЗА 23
1-е место 23
Прогноз погоды 23
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Альманах «Вдохновение» Выпуск №3

Составитель Ульяна Станиславовна Вострикова

ISBN 978-5-0062-9350-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Победители 8-го сезона международного литературного конкурса «Вдохновение»

Поэзия

1-е место
Владимирова Екатерина

Птица

На дорогах заносы —
Ночью был снегопад.
Я отрезала косы
Лет сто двадцать назад.

Я глаза завязала
И заклеила рот.
Никому не сказала —
Разве кто-то поймёт?

Запорошена белым,
У земли на краю
Я и словом и делом
Мир на части крою.

А в заоблачной выси,
Где лишь птицы парят,
Формируются мысли
Весом тонн в пятьдесят.

То ли мир я разрушу,
То ли новый создам
Но бессмертную душу
Ни за что не продам.

Кто безглазой боится —
Тот безгласной не друг.
Я прекрасная птица.
Покорми меня с рук.

Без названия

Игрушки брошены в песочнице —
Вчера внезапно хлынул дождь.
В прогнозе, как всегда, неточности,

А что с синоптиков возьмёшь?

Грустят в саду скамейки мокрые
И трёхколёсный самокат,
А бабушки сидят за стёклами
И до весны не выйдут в сад.

У них сосуды и давление,
Суставы, сердце, диабет
И бесконечные прозрения
О смысле радостей и бед.

Отодвигая чашку с кашею,
Припомнят прошлые дела.
– Ах, повиниться б перед Машею…
А Маша в мае померла.

2-е место
Яковлева Екатерина

Рубиновая вьюга

Швыряет ветер острые кристаллы,
И холода болезненная хватка,
Здесь многие бороться перестали,
В стихии растворившись без остатка.

Лед иглами прокалывает сердце,
К груди прильнут озябшие ладони,
И гонит буря жалких чужеземцев
Скитаться по заснеженной юдоли.

Клыки морозные терзают тело,
В сугробах похоронены останки,
Смерть ослепляет в облаченьи белом
И тонким льдом затягивает ранки.

На мерзлом сердце трещины змеятся,
Осколки разлетаются по кругу,
Кровавый снег и белый в ритме танца
Сливаются в рубиновую вьюгу.

В ожидании бала

Свечи истекают красным воском,
Серебро начищено до блеска,
Зал сверкает полуночным лоском, —
Истое величие гротеска.

Оживляют призрачные руки
Клавиши резного фортепиано,
И несутся, и кружатся звуки
В воздухе дурманящем и пряном.

На подносах стройные бокалы,
Пузырьков искрятся фейерверки,
Всюду розы, орхидеи, каллы
В вазах украшают этажерки.

Он стоял с осанкой горделивой
Посреди изящества и глянца,

Будто выбирал в толпе пытливо
Юную красавицу для танца.

В зеркалах мелькали отраженья,
Дым сигар повис вуалью смога,
Лунный свет, разбившись от паденья,
Перламутром осыпает окна.

Он закрыл глаза и ждал смиренно
К празднику спешащую карету:
Вот сейчас услышит непременно,
Как шуршат подолы по паркету.

Только тишина кольнула больно,
Вырвав сердце из объятий неги,
С клавиш руки свесились безвольно,
И затихла музыка навеки.

На подносах битые фужеры,
Под ногами высохшая калла,
На ветру колышутся портьеры…
Все исчезло, и не будет бала.

Кровь поэта

Густая капля упадет в бокал,
Еще одну, последнюю, быть может,
Удастся выжать, только ты устал,
Тебя однажды это уничтожит.

«Еще одну, последнюю, клянусь, —
Ты повторяешь мантру исступленно, —
И даже если я погибну – пусть,
Бокал моих творений будет полным».

Последнюю… в тебе их больше нет,
Бессмысленно тянуть сухие жилы,
Ты на земле оставил вечный след,
Отдав искусству жизненные силы.

Забинтовать бы рану на груди,
Но ты сорвешь нелепые повязки,
Какие у поэта есть пути? ¬
Его бокал рубиновой окраски.

Печаль

Кротко постучит в окно ночное,
Вздох заденет легкую вуаль,
Ступит под молчанье гробовое
На порог незваная печаль.

Не гони непрошеную гостью,
В свете зачарованных лампад,
Под сирени кружевные гроздья
Пригласи на чаепитье в сад.

Пусть расскажет о своих тревогах,
Вместе с ней о чем-то погрусти,
А потом до самого порога
Проводи и с миром отпусти.

Маяк

Последний свет, но это не туннель,
Белесый луч моргает сквозь туманы,
Воды сапфировая колыбель —
Холодные объятья океана.

И по камням, исхлестанным волной,
Текут солеными ручьями слезы,
Он в яростной стихии, как влитой,
Стоит державно, не меняя позы.

К нему в штормах несутся корабли
Спасти свои блуждающие души,
Они давно не видели земли,
Их капитанам не доплыть до суши.

Последний свет надежды вдалеке,
Рок за штурвалом в облике паяца,
В бочонках ром и карты в сундуке,
Но им они уже не пригодятся.

3-е место
Башкардин Роман

Мне нужно всего немного

Мне нужно всего немного —
Туман, где ночуют реки,
Потрёпанный томик Блока,
С печалью его элегий.

Ни замков, ни пышных сводов —
Лишь краешек неба в соли,
Чтоб ванты уснувших лодок
Антично качало море.

Удачных стихов – немножко.
И дом, чтоб шептались ставни,
Где счастье размером с кошку,
А в сущности – великанье.

Ветвей кружевную просинь —
И звёзд, как кусочки мела,
И светлую эту осень,
Чтоб ты мне тихонько пела.

Дорога с тобой сквозь Вечность.
И снег, и осенний вечер.
И радость твоя. И нежность.
И руки твои – на плечи.

Хранить тебя

Хранить тебя внутри души,
где робкий свет тенями тесен,
хранить тебя, едва дыша —
словами древних, тихих песен.

Хранить, где шёпот прошлых лет
звучит напористо и льдисто.
Хранить, где музыка ветров
нисходит с пальцев гитариста.

Беречь твой лик среди полей
под покрывалом снежных вёсен.

Хранить твой образ средь лесов,
где по чертогам бродит осень.

Беречь, хранить и не жалеть
ни о словах, ни об утратах.
Хранить в богемском хрустале
цветами винного заката.

Хранить в полотнах тишины,
где живописью всходит Лира.
И на подснежниках весны
её качает море Мира.

Бабинцева Анна

Серенада весны

Вот и всё. Смыта краска с ресниц.
Можно больше не сдерживать слёзы.
Всяк заметивший их – отвернись,
Дай разбиться им замертво оземь.
Кто до донышка вычерпал взгляд?
Он пустой. Оттого всё бездонней.
И покоя уже не сулят
Даже тёплые жесты ладоней.

Суету победив пустотой,
Окисляется память тягуче.
Рассинхрон за душевной чертой
И стучащих сердец несозвучье.

В чёрный список опять внесены,
Только вот карандашиком рыжим.
Дарит дождь серенаду весны
Черепичным и шиферным крышам.

Занят крышами в ряд горизонт,
Подпевают им капли картаво.
Весь их жизненный диапазон
Уложился в одну лишь октаву.

Замолкают, вздыхают и вновь
Беспокойно поют на изломе.
Уходя, погашу за спиной
Силуэт твой в оконном проёме…

Гуляко Мария

Здравствуй, ночь, тебе тоже не спится?

Здравствуй, ночь, тебе тоже не спится?
Куришь в форточку, гасишь свет?
И сминаешь угол страницы,
Той, которая даст ответ.

Измеряешь свои желания
С точки зрения вечных тем,
В каждом видишь живое послание
И решение всех проблем.

Тоже ходишь, как я по кругу,
Собирая звезды с небес,
А у смерти коса так туго,
Что меняется глаз разрез…

Отдохни от тревог и желаний,
Расплети осторожно косу́,
Погаси все костры испытаний,
Что сжигают Божью росу.

Здравствуй, ночь, тебе тоже не спится?
Слишком быстро крутится шар…
Вот тебе моток шерсти и спицы,
И свяжи мне, пожалуйста, шарф.

Чтобы звёзды в орнаменте были
И рисунки теплого лета,
Развивай моторику или
Коротай часы до рассвета…

Казакова Вера

Я всё хочу начать сначала

Я всё хочу начать сначала,
Услышать звук твоих шагов.
Как много было лишних слов,
А нужных было очень мало.

Не осуждаю, не ревную,
Но так хочу вернуть назад:
Субботний день, Нескучный сад,
Вкус дыма, горечь поцелуя.

Ты забудешь меня, как беду

Ты забудешь меня как беду,
Ты когда-нибудь будешь счастливой.
Это будет, когда я уйду —
Счастье с горечью лёгкой разрыва.

Я тебе завещаю весну
В этом солнечном радостном крае,
Эти звёзды и эту луну,
Пенье птиц я тебе завещаю.

Ты увидишь над морем рассвет,
Блеск воды, корабли и причалы.
И поймёшь, что меня больше нет,
И что можно начать жизнь сначала.

Принцесса Седовласка

Принцесса Седовласка
Спит в своей лесной постели
Героиня странной сказки.
У корней корявой ели
Спит принцесса Седовласка.
Из дворцов ушла постылых
В необъятный мир огромный.
Все что знала позабыла.
Даже имени не помнит.

Никому тогда ни слова,
Тщетно слуги обыскались.
Ни следов, ни капли крови.
Лишь платок нашли на скалах.
Изучила все дорожки
И язык животных тайных.
Она ходит тише кошки,
С ней не встретишься случайно.
И теперь без сожалений
Без тоски и укоризны.
Сквозь леса проходит время
Этой странной тихой жизни.

Лачек Варвара

Секрет датского счастья

Из недр земли ползёт моя печаль,
укутывая ситцем бездорожье
избитых мыслей, скомканных начал,
и кажется до боли невозможным
присутствие себя самой в руках простого дня,
распахнутого настежь
для чьих-то слёз, рисующих по коже
безудержными каплями дождя
загадки друг на друга не похожих
далёких звёзд, рассыпавшихся дрожью
на жизнью перепаханных полях…
И всё же мой каждый миг стирается в уме,
бессмысленности тень ломает крылья…
наверно, мне, не знавшей полумер,
не смочь понять преемственность безрыбья
над выбором гореть
в расколотых строках своей души,
неизлечимо буйной и нервозной…
и не смирясь ни с ретушью покоя,
ни с рокотом тиши,
себя тащить со дна водоворота и всплыть,
испив до капли безысходность,
и просто жить. Непросто жить…
душа моя, как сумасшедший дом
в преддверии больничного обхода, —
роняя веру, сваливаясь в ком,
мир катится под плач чужого хора
в седой туман пустых материков,
чужих фигур, бездушных ледоходов,
пунктирных линий судеб мертвецов —
не ведая, что счастье лишь в одном —
касаться сердца, шедшего неровно
при взгляде на любимое лицо,
при каждом всплеске искреннего слова,
звучащего со мною в унисон.

Пляска смерти / danse makabre

Мы в будущее вышли сквозь окно,
туман давил всей тяжестью столетья,
Осколками рассыпавшихся снов
блеснула жизнь в безумии последнем.
Кровоточили камни и столпы

времён, давно продавшихся за шекель,
Чернее я не помню пустоты,
чем выжженные тропы и траншеи,
Раздёрнутых небес погасший лик,
теней окостенелых силуэты,
И страшный треск расколотой земли
и есть та песнь, которая не спета.
Мы раньше были чище и добрей,
деревья не врастали в послесмертье
ушедших душ. И нравилось стареть
домам, в которых радовались дети.
Родных просторов звуки и огни
будили тишь нетронутых окраин,
А горем не разорванная нить
сшивала тьму надёжным ровным краем.
Рассвет был безупречен и велик,
как исполин над водами морскими,
Цари небес помыслить не могли,
что сокол над ужом давно бессилен.
Ослепшей боли в сердце не унять,
/повеяло погостною прохладой/ —
Так птица умирала на камнях
под danse macabre развернутого ада.
Сейчас же, зная цену всем вещам,
а жизни до предела обесценив,
Мы разучились верить и прощать,
мы научились двигаться без цели,
Забыв о том, что в постзакатной мгле
на тропах беззакония нет правых,
Но на глухой сорваться фистуле
/так Бродский говорил/ – ещё нам рано —
Себя /не их/ сумев перебороть,
не изменив ни чёрту и ни богу,
На лезвии раздробленных миров
остаться верным собственному слову.

Симакова Евгения

Енисей

Енисей вскрывается в мае
И я тебя отпускаю.
Течение лечит душу
Нужен ты мне, не нужен —
Уже не его забота,
Всё происходит в субботу:
Как принято поутру,
Мерзкий привкус во рту
Приторно-горькой конфеты,
Очередной сигареты,
Скуренной перед сном,
Но об этом потом.
Минуя пустые беседы,
Я быстро шнурую кеды
И медленно говорю:
«Я тебя не люблю».
Разборчиво по слогам.
На улице ураган,
Дождь и большие лужи
Мне ты больше не нужен.
Почти чужой человек.
Я бы узнала у рек,
Когда они замерзают,
Но Я тебя отпускаю
Корабликом в крошку льда
В никуда хоть куда навсегда
Ведь так отпускают людей?
Льдом звенит Енисей.

Храмцова Римма

Осенний блюз

Играла осень блюз тоскливым утром,
Взяла дождя серебряные струны,
Они сияли нежным перламутром,
Мелодия лилась сонатой лунной.

То скрипкой плакала, прощаясь с летом,
То всхлипывала громко, то скулила,
Взмывала в небо, солнышком согрета,
Над озером туманами парила.

Дрожали ноты каплями на стёклах,
Кругами шумно дождь шагал по лужам,
Все краски осени от сырости поблёкли,
И с грустью в душу заползает стужа.

А музыка порхает рыжей птицей,
И в даль летит, крылом осенним машет,
Зима несётся снежной колесницей,
Узоры белые позёмка вяжет.

Вечер

Седая туча распустила косы,
Туман качался в гамаке меж сосен,
Алмазами в траве сверкали росы,
Клочками, меж берез повисла просинь.

Лиловый сумрак крался словно кошка,
На мягких лапках по лесным тропинкам,
Он нёс прохладу на своих ладошках,
И радовался озорным дождинкам.

Они плясали на зелёных листьях,
И белками скакали по деревьям,
Но ветер тучу вдаль унёс на крыльях,
И вышла тишина из подземелья.

Накрыла мягкой шалью полумрака,
Лишь светлячки кружились в хороводе,
Да ручеёк журчал на дне оврага,

И звёздочки зажглись на небосводе.

Ночная мгла вступив в права хозяйки,
Довольная уснула на лужайке.

ПРОЗА

1-е место
Людмила Марковская

Прогноз погоды

Она проснулась внезапно, словно от толчка. Капала вода. Тикал будильник. Шуршала мышь. За окном серел рассвет. Пора вставать. Она любит в одиночестве листать у окна страницы утра. Это единственное время, когда можно побыть самой собой. Нина медленно раздвигает занавески, чтобы открыть день, срывает листок настенного календаря. Сентябрь. Сегодня приснилась себе молодой. Тогда тело её было безукоризненным. Раньше она гордилась такими вещами. Думала, что это важно. Чёрная кружевная грация, короткое платьице, капроновые чулки с ажурными резинками, туфельки 36 размера обязательно на каблуках и спирали роскошных рыжих волос, напоминающих мелко завитую медную проволоку. Конечно, она и знать не знала, что напоминает портрет работы Боттичелли. Да и кто бы мог ей об этом сказать? Местные кавалеры искусством не интересовались.

Кавалеров было много. А она влюбилась в молодого доктора, приехавшего в соседнее село в больницу по распределению. И он на неё внимание обратил, когда Нина ещё школьницей была. Высокий, кудрявый, приметная родинка звёздочкой на левом виске. И имя ей нравилось, крепкое, мужественное: Виктор. Все девчонки наперебой приглашали его на «белый» танец. Вот только на все остальные он приглашал одну Нинку. И какой же он был красивый, чуть-чуть нарцисс, воображала, но такой серьёзный, надёжный. Провожая домой, обнимал так, что сердце, как у птенца, заходилось.

С ним она и лишилась невинности, но ни разу об этом не пожалела. Она в глубине души точно знала, что просто быть рядом с ним всегда будет ей достаточно для полного счастья. И было счастье. А потом началось.

– Нин, я страшно занят, у меня сейчас напряжённый график: обходы, утренние оперативки, плановые операции, консультации.

Нина смирилась с тем, что до вечера увидеться невозможно. Но вот и вечер, а его нет. Тоскуя, слонялась по комнате, а мать ворчала: – Да не будет толку с этого доктора, вот попомнишь мои слова, неровня ты ему.

Через пять дней мучительного ожидания примчался Виктор, весёлый, оживлённый.

– Ниночка, хотел сделать тебе сюрприз, но не могу смолчать. Меня ждёт повышение по работе и переезд. Я должен уехать на месяц-другой. Ты жди, я обязательно напишу оттуда, а потом и тебя заберу.

Но он так и не вернулся и не написал, просто пропал. Пропали и месячные. Подруги готовились к поступлению в вузы, а Нинка лихорадочно думала, что предпринять. Часами сидела на табуретке, мерно раскачиваясь, опухшая от слёз. Или падала на продавленную кушетку и рыдала белугой, пока мать на работе. Адреса его не было. Но ведь он просил ждать. И она ждала, цепенея от нехороших предчувствий.

Прождав ещё месяц, в отчаянии пошла к гулящей тётке Жене. Мать с соседкой как-то обсуждали, что у неё абортов было, как блох у Жучки. Тётка даже обрадовалась, что может помочь.

– Таблетки есть специальные, лучше всего стимулируют. Разведёшь в водичке и пей каждые три часа. К вечеру избавишься.

Нина несмело зашла в аптеку, сжимая в потной руке бумажку с названием лекарства.

– Здравствуйте! Вот, – она положила листок на прилавок. – Мне три упаковки этого миро…, мизопро…, пожалуйста.

– Это очень сильные препараты, – холодно сказала полная аптекарша. – Мы не продаём эти таблетки без рецепта.

Выйдя на улицу, Нина без сил опустилась на скамейку.

– А, может, действительно, сходить к врачу, вдруг случится чудо, и нет ничего, всё надумала?

Назавтра поехала в райцентр, чтобы скрыться от злых языков. Докторша, осмотрев её, буднично сказала:

– Беременность, предположительно 19 недель. Поздравляю. Сейчас заполним карту.

– Доктор, мне бы аборт сделать.

Врач сочувственно посмотрела на неё.

– Что, бросил? Где ж ты раньше была? Теперь поздно, будем рожать.

– Сссука! – взвизгнул замок кофточки. А в голове стучало:

– Что делать?

Беременность вскоре стала заметна, и только ленивый не показал тогда пальцем на её огромный живот. А потом родился сын. Назвала Михаилом. После родов бродила, нечёсаная, по дому, лежала лицом в стенку, пока мать не подкладывала ей дитя к груди. Мальчик был хорошенький, тихий и спокойный, но не радовал.

Так и жила с тех пор с постоянной раной в душе. А потом пошло-покатилось. Чтоб забыть Виктора, вместе с другими разбитными жлобовками ездила в район на танцы. Пили сладкое «плодово-выгодное» для куража. Она вела себя, как Пенелопа: завязав романтические отношения, тут же их развязывала. Завербовались с девчонками и уехали на работу в военный городок. Устроились официантками в офицерской столовой. По вечерам по привычке ходили на танцплощадку, где было много солдат. Договаривались на свидания. Молодые горячие солдатики любили пылко и старательно. Нинке нравились их худощавые крепкие подтянутые тела. Не отказывала никому. Только раз получился прокол. Один солдат сказал, что вечером его дружок придёт к ней на свиданку. Ну дружок, так дружок, Нинке всё одно. Но вечером на пороге с бутылкой вина и кульком конфет неожиданно появился земляк Ваня. Оба смутились донельзя. В посёлке её звали Яней, и Ваня никак не мог подумать, что Нинка, рассказывая о которой ребята восхищённо цокали языками, – это она, его бывшая одноклассница. Смущение преодолели, мирно попив чай с принесёнными конфетами, о постели и речи не было.

Тот, кто хочет испробовать всё, быстро набивает себе оскомину. Гулянки надоели, и однажды, навещая мать с Мишенькой, не смогла отцепить его ручки от своей юбки и осталась в посёлке. Так жалко стало брошенного сыночка, поклялась себе, что всё, гулянки побоку, надо его растить. Работать пошла, куда все, – на единственную чулочно-трикотажную фабрику. Сидела на конвейере, клеила на носки этикетки. Зарплата была небольшая, но хоть что-то. Постепенно успокоилась, смирилась, стала думать, что жизнь надо принимать такой, какой она тебе досталась. Через три года тихо умерла мама: просто не проснулась утром. Незадолго до смерти призналась дочке, что Виктор тогда сразу прислал несколько писем, но она их сожгла, не хотела, чтоб Нинка уехала, да и считала, что не пара они. И адреса не осталось. Прощения просила: эх, кабы знать, куда упадёшь, соломки постелила б.

В жизни нет черновика, а жаль, ведь можно было б исправить все старые ошибки. Иногда Нинка хотела вернуться в прошлое, поступить по-другому. Но потом понимала, что по большому счёту счастлива тем, что была в её жизни пусть короткая, но такая яркая любовь. Забыть

Виктора не могла, да и как забудешь, если Миша каждый день напоминал ей его глаза, кудри, родинку, улыбку. И в сыне Нина теперь души не чаяла, любила до исступления.

Миша. Миша знает, что с ним случилось плохое. Он рано понял, что с ним это навсегда. Врачи показали маме тонкие чёрные прозрачные пластины, которые подтверждали, что ходить сам он не будет. После больницы мама сказала, что раньше мы жили счастливо, и теперь ничего не изменилось. Миша понимал, что она в это не верит, и ему хотелось кричать. Теперь он старательно исполняет свои маленькие обязанности. Запихивает в себя нелюбимые кашу, овощи, не разбрасывает кубики, одевается, как может. Он знает, что нужно быть старше, чтобы жениться. Это грустно, потому что он уже готов жениться на маме, он её очень любит и жалеет, когда слышит, как она плачет за шкафом, думая, что Миша спит. Иногда он сидит у окна и наблюдает за детьми. Они часто смеются, пинают ногами мяч. Миша уже играл с ними в своём воображении. Но на самом деле он, конечно, играть не может. Он даже шага сделать не может. Зато он научился читать! К ним часто стал приходить высокий и весёлый дяденька Степан, очень похожий на дядю Стёпу из книжки. Он смотрит на маму такими глазами, что Миша всё понимает. Да он и не против, лишь бы она была счастлива.

Мать Степана пыталась отговорить сына: – С ума ты, что ли, сошёл, на этой шелопутной жениться. Только и мечтает, чтоб такого мужика себе залучить. Вон Ванька-сосед рассказывал, как она в военном городке две роты через себя пропустила!

– Мам, да знаю, но люблю! Влюбился в неё в девятом классе и до сих пор не могу забыть.

– Ой, Стёпа, тяпнешь ты с этой рыжей горя. Да ещё байстрюка чужого, к тому же больного, кормить будешь.

– А вот мальчишка у неё золотой, я его, как родного, полюбил.

И вечером Степан с букетом пошёл делать предложение.

Воспитанные кнутом к пряникам относятся настороженно.

– С чего это ты вдруг такими предложениями разбрасываешься?

– Люблю тебя, клянусь, на руках носить буду. А пацану отец нужен.

Он был добрым, приносил ей и Мише конфеты и подарки, в кино водил, всё, как положено. Расписались без лишнего шума. Но фотографию в местном ателье сделали: Нинка в голубом платье-клёш и мелких рыжих кудряшках с несмелой полуулыбкой сжимая букет, сидит на стуле, а жених в синем костюме стоит, уверенно положив руку ей на плечо.

Нежный был и ласковый, каждый пальчик на Нинкиных ногах перецеловал, никогда к стенке не отворачивался, всё насмотреться не мог, обнимал, пока она не засыпала крепко и спокойно. Но не было к нему нежности, не было музыки, не было сжатия сердца и перепадов пульса, не было любви…

– Вставай, заюшка! – будил он по выходным Мишеньку. – Сегодня будем на лодке кататься!

После завтрака выносил его на руках, усаживал в коляску специально купленного для таких случаев зелёного мотоцикла «Иж», и они катили, поднимая пыль, в солнечный свет, в радость, в брызги, в кувшинки и стрекозы. И Нина потихоньку стала оттаивать, наблюдая за своими мужчинами, слушая их хохот.

Года через два вернулся из тюрьмы Пётр, старший Стёпин брат. В первый же вечер явился в гости. Он был совсем не похож на красавца Степана, и не скажешь, что родной, – неприятный, как хорёк. Маленькие юркие глазки обшарили комнату, затем липкий взгляд приклеился к Нинке.

– Ну, братуха, знакомь со своей красуней! А она ничего!

– Нинок, подсуетись! На стол накрой! – попросил Стёпа.

Пили беленькую, как воду. Под столом уже катались две пустых бутылки. Лица братьев налились кровью. Нинка вертелась, подавала закуску – видела, что нравится обоим. Вскоре затеяли борьбу – пережимание рук. И хоть оба были вдрызг пьяными, сразу посерьёзнели. Степан был выше и сильнее и минуты через три громко припечатал руку брата с вытатуированными перстнями к столу. Проигрыш показался Петру донельзя обидным.

– Сильный, говоришь? – он смачно харкнул. Было слышно, как плевок шлёпнулся на пол.-Так подними тогда!

– Ты свои тюремные штучки брось! – набычился Степан.

– А то что? – блеснул железной фиксой Пётр.

Он угрожающе приподнялся и толкнул брата в плечо. Оба выскочили из-за стола и схватились за грудки. Пётр, почувствовав, что Степан его одолевает, пьяненько крикнул:

– Ну всё-всё, сдаюсь!

А когда Степан отпустил его, недобро улыбаясь, спросил: – Чё ты завёлся так, брат, давай мировую махнём, закусим, всё по-людски…

Расслабившийся Степан не ожидал, что Пётр вдруг изо всей дури ударит его кулаком в грудь, и, пошатнувшись, упал, гулко стукнувшись затылком об острый угол комода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.